

ПРАВОСЛАВНЫЕ МОТИВЫ МИРРЫ ЛОХВИЦКОЙ

Рахуба Т. Православні мотиви Мірри Лохвицької. У статті з нової точки зору трактується християнська релігійність Мірри Лохвицької, яка відчувається протягом усього творчого шляху. Визначено ступінь вивченості творчості письменниці, уточнено, а інді й змінено вже усталені погляди.

Ключові слова: поезія, релігійний погляд, євангельські образи, вірність православ'ю.

Lokhvitska M. Ya's Orthodox Motives. In the article from a new point of view is considered Mirra Lokhvitskaya's Christian religiousness, which is felt throughout all her creative way. Is designated the degree of study of her creative work, are specified and sometimes are changed the already settled views.

Key words: poetry, religious view, Evangelic images, loyalty to Orthodoxy.

В статье с новой точки зрения рассматривается христианская религиозность Мирры Лохвицкой, которая ощущается на протяжении всего творческого пути. Обозначается степень изученности творчества. Уточняются, а иногда и меняются уже устоявшиеся взгляды на ее творчество.

Ключевые слова: поэзия, религиозный взгляд, евангельские образы, верность Православию.

Мирра Лохвицкая – выдающаяся поэтесса, имя которой современники ставили в один ряд с именами Случевского, Фофанова, Брюсова, Бальмонта, Ахматовой, Цветаевой, и незаслуженно забытая впоследствии.

Отсутствие на сегодняшний день специальных разработок, уточняющих библиографических комментариев, научного литературоведческого аппарата показало необходимость комментария и анализа творчества Мирры Лохвицкой. Актуальность исследования продиктована необходимостью восполнить пробел в отечественной филологии, опровергнуть мнение исследователей, что основная тема поэзии Мирры Лохвицкой – чувственная страсть.

Несмотря на разноречивые суждения, в начале XX в. Лохвицкая имела почетное место в литературном Олимпе. Ее популярность среди читателей была велика, она была отмечена двумя Пушкинскими премиями. А потом упоминания о Мирре Лохвицкой надолго исчезают со страниц советских изданий. Современная исследова-

тельница В. Г. Макашина считает, что „отсутствие до недавнего времени самостоятельных исследований творчества М. Лохвицкой в отечественном литературоведении объясняется, в частности, идеологическими причинами. Творчество М. Лохвицкой подверглось насильственному забвению на несколько десятилетий, поскольку ни ее эротическая окрашенная любовная лирика, ни стихотворения и драматические поэмы на религиозные темы не могли отвечать коммунистической идеологии” [4]. Мирра Лохвицкая попадает в поле зрения западных исследователей. В 1982 году в Петербурге появилось первое монографическое исследование о М. Лохвицкой – докторская диссертация Р. Гридана: „Дуализм” Мирры Лохвицкой как „романтический конфликт” и его отражение в ее поэзии”. К сожалению, нам эта работа недоступна.

В 1978 году вышла антология женской поэзии русского модернизма, подготовленная Темирой Пахмусс, „Словарь русских женщин писателей” К. Гроуберг. Статья „Русские сумеречники” о восстановлении поэзии Лохвицкой принадлежит известному русско-американскому слависту В. Ф. Маркову, в которой он указывает „Лохвицкая – кладезь пророческих предвосхищений...Она опередила Бальмонта почти на десять лет...Более важно то, что именно Лохвицкая, а не Ахматова научила женщин говорить” [5, 80].

Только в 1998 году в России появилась первая монографическая работа, посвященная творчеству Мирры Лохвицкой – диссертация Т. Ю. Шевцовой „Творчество М. Лохвицкой. Традиции русской литературной классики, связь с поэтами-современниками”. В диссертации прослеживается эволюция творчества Лохвицкой и оценка ее современной критикой, впервые дается попытка периодизации ее творчества, анализируются некоторые особенности поэтической манеры, рассматриваются связи с творчеством Бальмонта, Ахматовой и Цветаевой. В 1999 году была защищена диссертация В. Г. Макашиной „Мирра Лохвицкая и Игорь Северянин. К проблеме преемственности поэтических культур”.

Религиозный взгляд на мир ощущается в поэзии Мирры Лохвицкой на протяжении всего творчества. Она была воспитана в православной вере. Отроческие годы поэтессы прошли в закрытом учебном заведении. Институтский бытовой уклад, жизнь в отрыве от семьи способствовала обострению у воспитанниц религиозного

чувства. И уже в своем самом первом стихотворении „Искание Христа” она говорит о своей вере:

*Ни на миг в душе моей
Не зарождалось сомненье.*

Об осознанной религиозности свидетельствует факт о ее сближении с А. Волынским, который в своих статьях выражал религиозное понимание искусства. Он говорил, „что только идеализм – созерцание жизни в идеях духа, в идеях божества и религии – может дать объяснение искусству, законам художественного творчества и живой импульс ко всякому творчеству – практическому, нравственному” [2,111]. Мирра Лохвицкая верила, что нашла в нем единомышленника: „мне дорого именно Ваше мнение и одна из главных причин моей поездки в Петербург – желание увидеться с Вами. Я не говорю, мне кажется, что мы пойдем друг друга, потому что я убеждена в этом...Я знаю, что Вы отнесетесь к этому так, как бы мне хотелось, потому что иначе быть не может, потому что иначе было бы невозможно” [3, 94]. В своих ожидания она обманулась. Волынский увидел у нее лишь „прелестный чисто-эротический талант” [3, 95].

В дальнейшем религиозный взгляд на жизнь в ее творчестве остается преобладающим. В стихотворении „В скорби моей”

*В скорби моей никого не виню.
В скорби – стремлюсь к незакатному дню.
К свету нетленному пламенно рвусь,
Мрака земли не боюсь, не боюсь.*

Выражается идея терпения скорбей и христианского всепрощения. В нем узнается цитата из Псалтири: „Вниду в дом Твой со всесожжением, воздам тебе молитвы моя, иже изрекосте устне мои и глаголаша уста моя в скорби моей”.

Мирра Лохвицкая четко различает добро и зло. Страсть поэтесса рассматривает как зло, как искушение, которое она своими силами старается побороть вопреки распространенному мнению исследователей, что основная тема поэзии Лохвицкой – чувственная страсть. И чем сильнее лирическая героиня побеждается страстью, тем острее это чувство печали о небесном отечестве, путь в которое преграждает грех:

*В моем аккорде три струны,
Но всех больнее звучит вторая,
Тоской нездешней стороны.
В моем аккорде три струны.
В них – детства розовые сны,
В них – вздох потерянного рая.
В моем аккорде три струны,
Но всех больней звучит вторая. [„Триолет”]*

Небесное отечество для Лохвицкой – это не плод ее фантазии, не царство мечты и сказки. Она его четко отделяет. В ее поздних стихах используется выражение „сады живого Бога”, „Бог живой” и „мой Бог”. Эти слова сопоставимы со словами апостола Павла: „обратились к Богу от идолов, чтобы служить Богу живому и истинному”. Все это свидетельствует о том, что Бог поэтессой воспринимается по-христиански, лично.

Из всех евангельских образов Царства небесного поэтессе ближе всего образ „брачного чертога”, к которому она неоднократно возвращается на протяжении жизни, и связанная с ним притча о десяти девах. Ее лирическая героиня беззаветно любящая, но понимающая, что недостойна милости

*О, есть ли место мне на пиршестве заветном?
Пропели петухи, полночный близок час.
Душа моя болит во мраке беспросветном,
Возлюбленный светильник мой угас... [„У брачного чертога”]*

Героиня знает, как жить, чтобы спастись, но у нее не хватает сил и терпения быть до конца последовательной. Тоскуя в „земной неволе”, она создает свой мир мечты, стремясь в нем найти „забвение”. Но при этом она понимает, что ее мечта – не освобождение из плена, лишь временно действующее лекарство, облегчающее страдания.

Признание верности православию Мирра Лохвицкая высказывает и в стихотворении „Злая сила”, посвященное младшему сыну. Стихотворение предваряет эпиграф „Печать дара Духа Святого”. Царство мечты в нем отождествляется царством зла. Демон искушитель, в виде „тяжелой мухи”, кружащей над матерью, убеждает ее отдать ребенка:

За радость карая, за грех наказуя,

*Ваш рок неизбежный тяжел и суров.
Отдай мне ребенка, – его унесу я
На бархат моих заповедных лугов.*

В царстве мечты „минет избранника жребий земной”. Мать отвечает отказом:

*Исчезни, исчезни, лукавая муха!
В дремоте мои прошептали уста.
В тебе узнаю я могучего духа,
Но сила твоя от тебя отнята.
Завершается стихотворение словами:
Спасен мой ребенок от снов обольщенья
И духам воздушным его не качать:
Вчера он воспринял святое крещенье
И высшего дара благую печать.*

С христианской позиции решается Лохвицкой проблема земной свободы. Истинная свобода в земной жизни – это свобода от страстей. Героиня ее поэмы „Праздник забвения” поддается соблазну, а вернувшись домой, она терзается раскаянием:

*Чей-то голос звучит, чей-то голос поет
О величье тернистых дорог,
Серых дней и забот, чей безропотный гнет
Пред Всевышнем, как подвиг, высок.
Он твердит о ничтожестве бранных утех,
О раскаянье, жгущем сердца.
И дрожу я, и вижу, что страшен мой грех,
Что страданью не будет конца.*

.....
*О, мой Боже! Ты благ, Ты велик, Ты простишь,
И над бездной блеснут небеса.*

„Призрак свободы” – искушение, тесно связанное с греховной страстью. Ему противостоит материнский инстинкт, удерживающий женщину от безумных и роковых поступков:

*Но внемли мои молитвы и слезам не прекословь,-
Не гаси на поле битвы материнскую любовь.
Внял моленью Ангел строгий, черной тенью отлетя*

Дальше – скучною дорогой – понесу мое дитя.

Именно эти строки из стихотворения „Черный ангел” олицетворяют духовную прелесть. Внутренняя борьба у Лохвицкой – это не „отчаянные поиски спасения”, как называет В. Брюсов [1, 56]. Ее героиня борется с собой и побеждает.

Религиозные мотивы в поэзии Мирры Лохвицкой – не дань отжившей традиции, не пережиток прошлого, как пытались представить Брюсов и другие модернистские критики, а органичный элемент ее мироощущения. Реальность иного мира для нее не подлежит сомнению. Ее жизнь была демонтирована судом совести, сознанием ответственности перед Богом за содеянное – а это главное в вопросе религиозности. Подводя итог творческому пути Мирры Лохвицкой В. Брюсов в книге „Далекие и Близкие” говорит: „Поэт влечется к греху, но не как к конечной цели, а именно как к нарушению правды”. Брюсов сводит проблему к „демонизму”. Но внимательное рассмотрение творчества Лохвицкой приводит к совершенно иным выводам. Вопреки утвердившемуся мнению, поэтесса четко различает добро и зло. Внутренняя жизнь лирической героини Лохвицкой совсем не поверхностна и не ограничена, а сложна и драматична.

Литература

1. Брюсов В. Я. „Далекие и близкие”.– М., 1911.– 148 с.
2. Волынский А. Л. Борьба за идеализм.– СПб., 1900.– 111 с.
3. Волынский А. Л. Русские женщины. Воспоминания.– М., 1994.– 275 с.
4. Макашина В. Г. Предисловие к изданию // Лохвицкая М. Стихотворения.– СПб., 1997.
5. Марков А. Ф. Лохвицкую называли „Русской Сафо” // Рус. словесность.– 1993.– № 5.– С. 79–81.

УДК 821.161.1:82-1/-9

Алла Рубан

МИФОЛОГИЯ ОБРАЗА САДА В ТВОРЧЕСТВЕ Л. Н. АНДРЕЕВА

Рубан А. Міфологія образу саду в творчості А. М. Андрєєва. У статті розкрито символічну та міфологічну основу образу у творчості Л. М. Андрєєва.